

А.П. Чехов и гипноз*

БУРНО М.Е.

профессор кафедры психотерапии, медицинской психологии и сексологии РМАПО (Москва), вице-президент ППЛ

Обсуждается ценность клинических размышлений, наблюдений А.П. Чехова, его отношение к психиатрии, психотерапии, гипнозу.

Ключевые слова: А.П. Чехов, гипноз, врач-писатель

Биография Антона Павловича Чехова как врача опубликована во всех трех изданиях Большой медицинской энциклопедии, т.е. в ее соответствующих томах в 1936, 1964 и 1986 гг. Существует большая литература о Чехове-враче. Жизнь и творчество великого писателя изучаются медиками уже не только с воспитательной целью помочь студентам и врачам рассмотреть, почувствовать особую светлую врачевность чеховской души, но и с целью анализа оригинальных чеховских суждений и даже открытий в медицине.

Чехов все-таки всю жизнь оставался и врачом тоже. Читал медицинские книги, врачевно размышлял, время от времени лечил и переживал, когда к нему не относились серьезно как к врачу. Самобытность Чехова, понятно, не могла не обнаружиться и в его медицинских размышлениях, художественно-научной книге «Остров Сахалин», в рассказах и повестях, в письмах, в дневнике, в живых беседах, хотя может, на первый взгляд, это и не выглядит наукой. Таков уж гений.

Самые содержательные работы, аналитически убедительно разъясняющие ценность творчества Чехова для медицины, — это, по-моему, работы покойных профессоров-клиницистов — минского фтизиатра Евгения Борисовича Меве (1910—1990 гг.) и московского терапевта Георгия Павловича Шульцева (1915—1990 гг.). Георгий Павлович работал в нашей Академии (Российская медицинская академия последипломного образования). Тепло вспоминаю его, наши разговоры.

Сегодня пришло время изучения того нового, важного, неисследованного, что дал Чехов психиатрии, психотерапии, медицинской психологии. Уже сейчас мог бы предложить две темы врачебных диссертаций (по специальности «медицинская психология») молодым врачам.

Примерные (рабочие) названия этих тем таковы: «Значение жизни и творчества А.П. Чехова для отечественной психиатрии и психотерапии» и «Медицинская психология А.П. Чехова в работе врача общей практики». Работе над этими диссертациями серьезно поможет Полное собрание сочинений и писем А.П. Чехова в 30 томах с содержательными комментариями, которое вышло в 70-х — 80-х годах прошлого века. В этом собрании опубликованы даже материалы к несостоявшейся первой диссертации Чехова «Врачебное дело в России» (Т. 16). Состоявшаяся книга-диссертация «Остров Сахалин», как известно, не была принята к защите только по причине тогдашней университетской бюрократии. В письме к Сергею Павловичу Дягилеву от 20 декабря 1901 г. Чехов пишет: «"Остров Сахалин" написан в 1893 г. — это вместо диссертации, которую я замыслил написать после 1884 г. — окончания медицинского факультета».

Итак, сегодня об отношении Чехова к гипнозу.

Михаил Павлович Чехов, младший брат Антона Павловича, рассказывает в своей книге «Вокруг Чехова» (М.: Московский рабочий, 1960), как Николай Лукич Пушкарев (1841—1906 гг.), поэт, драматург, переводчик, редактор-издатель журналов «Свет и тени», «Мирской толк», «предложил <...> свой дом» приехавшему в Москву известному гипнотизеру Роберту. Показывать свои сеансы публично Роберту было запрещено. Пушкарев в январе 1883 г. пригласил на эти сеансы «московских представителей печати и профессоров». «Было условлено так, — вспоминал Михаил Павлович, — что мои братья от имени Пушкарева пригласят на этот вечер известного профессора Остроумова» (с. 119). «Было страшно смотреть, когда Роберт верг своего клиента в состояние тетануса, а когда человек весь одеревенел, сделался, как камень или бревно, его положили затылком на один стул, а пятками на другой, и три взрослых человека сели на него, как на скамью. И он сам этого не почувствовал и очень удивился, когда его потом разбудили и рассказали ему об этом. Тогда все это было внове, считалось необъяснимым, и даже сами профессора становились в тупик и искренне восклицали: «Загвоздка!». О «загвоздке» «громко воскликнул» и взволнованный Алексей Александрович Остроумов (1844—1908 гг.), основатель российской клинической терапевтической школы (с. 120).

«В газете «Московский листок», в отделе «Московская жизнь» (1883, №22, 23 января) была напечатана анонимная заметка под названием «Магнетический сеанс». <...> Среди усыпленных, говорилось в заметке, «была также г-жа Ч-ва. Эта особа долго не поддавалась и храбро выдерживала борьбу с неведомой силой, но борьба не повела ни к чему: пришлось уснуть». «Одно время думали, что эту заметку написал А.П. Чехов, но потом «авторство Чехова было отвергнуто» (Примечания Л.М. Фридкеса — в кн.: Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем в 30 томах. Письма. Т. 1. — М.: Наука, 1974. — С. 340). Чехов в письме к брату Александру Павловичу (25 января 1883 г.) поясняет: «Недавно в «Московском листке» описан бал у Пушкарева. Под литерами Ч-ва надо подразумевать Марию Павловну. Она уже возросла и играет роль. Ей целуют руку Пальмины, Кругловы, Немировичи-Данченко, все те, коим молятся в Таганроге. Она умнеет с каждым днем» (там же, с. 49).

Марии Павловне было тогда 20 лет, Михаилу Павловичу — 18, Антону Павловичу (уже почти врачу) — 23. Сколько могу судить, Антона Чехова, в отличие от присутствовавших на сеансе врачей-профессоров, не интересовали в научном отношении картины и механизмы гип-

* Сообщение на научном заседании в Доме-музее А.П. Чехова 19 мая 2006 г.

ноза. В рассказе «На магнетическом сеансе» («Зритель», 1883, №7, 24 января), написанном после этого вечера у Пушкирева, Антон Чехов выразительно точно рисует картины гипноза: «одного усыпил, другого окоченил, третьего положил затылком на один стул, а пятками на другой», «делал, одним словом, черт знает что». Однако при этом Чехов довольно ясно показывает, что склонны к гипнотизации (по-старому — магнетизации), по его мнению, люди внушаемые, с детски-истерической душой. Так, «особенно сильное влияние имел он на дам», «они падали от его взгляда, как мухи». И еще Чехов окутывает это событие своей мягкой, теплой иронией: рука бедного чиновника, все никак не засыпающего на сеансе, рассказывающего об этом, «почувствовала на своей ладони пятирублевку». Примерно за 2 месяца до этого сеанса в письме брату Александру Павловичу (8 ноября 1882 г.) Чехов просит брата «умолить» Анну Ивановну Хрушову-Сokolьникову (секретаря редакции журнала «Зритель») «описать тот спиритический сеанс, который она видела где-то в Тульской губернии, кажется». Скорее всего, судя по шутивому тону, Чехову это нужно не для научного размышления, а для смешного рассказа.

Скажу еще раз: у меня нет оснований считать, что Чехов (уже почти врач в это время) серьезно интересовался гипнотическими явлениями. Не было этого интереса у Чехова и в последующей, врачебной, его жизни. Во всяком случае, такого интереса, как, например, к изучению душевных переживаний человека, страдающего тягостными телесными расстройствами. Об этом Чехов готов был, как известно, читать приват-доцентский курс лекций в Московском университете. Впрочем, в материалах к диссертации «Врачебное дело в России» довольно много выписок из книг о народной медицине (заговоры, колдовство и т.д.), а это, как известно, имеет прямое отношение к внушению и гипнозу. Но Чехов об этом не говорит.

Отсутствие живого интереса Чехова к гипнотическим явлениям объясняется, видимо, и тем, что многие размышляющие врачи чеховского, психастенического склада обычно не одобряют авторитарный гипноз и мало им интересуются. Вообще они нередко понимают императивное гипнотическое внушение как лечебно несерьезный «росток без корней», как «оболванивание», обман внушаемых. Так думал, кстати, и классик мировой психотерапии швейцарский врач Поль Дюбуа. Другой классик психотерапии французский врач Жан Мартен Шарко вообще полагал, что гипноз всегда есть истерия. И, значит, гипнотизация оживляет в человеке истерическое — параличи, нервную слепоту, анестезию и т.д. Возможно, Чехов даже без знакомства с работами Шарко чувствовал и понимал, что в механизмах сомнамбулического гипноза и механизмах истерии есть общее. Истеричных дам Чехов, как известно, не ценил («они падали от его взгляда, как мухи»).

Наконец, Чехов все-таки не был врачом-психиатром, психотерапевтом и поэтому, видимо, не мог убедиться в лечебной силе особенно «спокойного» гипноза. Чехов, конечно, живо интересовался психиатрией, но, видимо, не лечил людей с душевной патологией. Так уж сложилась жизнь Чехова. Е.Б. Меве сообщает: «В беседе с писателем И.И. Ясинским Чехов заметил, что его крайне интересуют всякие уклоны так называемой души. «Если бы я не сделался писателем, — сказал он, — вероятно, из меня вышел бы психиатр». Т.Л. Шепкина-Куперник вспоминала, что Чехов постоянно рекомендовал ей: «Изучайте медицину, дружок, если хотите быть настоящей писательницей. Особенно психиатрию. Мне это помогло и предохранило от ошибок» (Меве Е.Б. Медицина в творчестве и жизни А.П. Чехова. — Киев: Здоровье, 1989, С. 130—131. Кстати, в этой книге рассказано и о работах Г.П. Шульцева, упомянутого выше).

В 1893 г. вышло 1-е издание классического «Курса психиатрии» Сергея Сергеевича Корсакова (1854—1900 гг.). Чехов сразу же купил этот том. Е.Б. Меве в указанной выше книге сообщает, что чеховский том Корсакова хранится в Ялтинском доме-музее А.П. Чехова (с. 133). С.С. Корсаков в своем «Курсе психиатрии» (1893 г.) отмечает, что в «некоторых случаях» истерии «оказывается полезным применение гипнотизма, причем, однако, нужно опасаться, чтобы больная не соединила с этим методом лечения каких-нибудь ложных идей (например, об возможности изнасилования) или увлечения врачом, производящим гипнотизацию» (с. 504). И еще «описываются также случаи прекращения пьянства под влиянием гипнотического внушения» (с. 523). В 1901 г., тоже в Москве, вышло 2-е (посмертное), переработанное автором издание книги. Здесь уже сказано и о том, что гипнотизм «оказывается иногда полезным в случаях навязчивых идей», «при морфинизме и в некоторых формах меланхолии (во второй половине болезни)». Корсаков пишет: «Мне приходилось видеть случаи, где во второй половине болезни, выразившейся в меланхолическом состоянии и резких бредовых идеях, наступало чрезвычайно быстрое исчезновение и бредовых идей, и тоски после применения гипнотического лечения. <...> Нужно добавить, однако, что не следует применять гипнотизм у больных, у которых на успех его можно мало рассчитывать, а между тем существует опасность, что под влиянием гипноза разовьется бредовое отношение к врачу» (с. 586).

С.С. Корсаков, сколько знаю, сам не применял в лечении больных гипнотизацию, но внимательно наблюдал в своей клинике гипнотическую работу коллеги и друга приват-доцента Ардалиона Ардалионовича Токарского (1859—1901 гг.). Эти наблюдения, думается, и поучаствовали в том, что написал Корсаков о лечебном гипнозе, о результатах спокойного и задушевно-проникновенного гипнотического внушения Токарского.

Читал ли А.П. Чехов о гипнозе у С.С. Корсакова?

A.P. Chekhov and Hypnosis

BURNO M.E.

Professor, Dr. med., Dr. Sc. Department of Psychotherapy, Medical Psychology and Sexology of the Russian Medical Academy of Post Education (Moscow),
Vice-President of the Russian Professional Psychotherapeutic League, Moscow, Russia

The article discusses the value of Chekhov's clinical ideas and observations, his attitude to Psychiatry, to Psychotherapy, to Hypnosis.

Key words: A.P. Chekhov, Hypnosis, doctor and writer